

КОНТУРЫ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ (ЭСТЕТИКА ДРУГОГО КАК ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РАСПОЛОЖЕНИЙ)

© 2015 С.А.Лишаев

Самарская гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 22.12.2014

В статье рассматривается концепция эстетики как феноменологии эстетических расположений, ее основные понятия и исследовательские результаты.

Ключевые слова: эстетика, Другое, эстетическое событие, эстетическое расположение, эстетическая деятельность.

° Обычное состояние человека — быть занятым.

* * *

Его сознание всегда чем-то наполнено: мыслями, представлениями, образами, символами...¹ Чаше всего оно загружено предметами повседневной озабоченности, однако бывает и так, что его внимание привлекают странные (метафизические) «объекты»: Бог, свобода, добро, время, бытие, ничто, мир... Они – давний предмет философского вопрошания. Но не только они.

Концептуальный замысел эстетики Другого исходит из необходимости сохранения связи с классической эстетикой и одновременно ее радикального переосмысления. Новая (неклассическая) эстетика позволяет инсталлировать в поле эстетического знания те формы чувственного опыта, которых до настоящего времени философская рефлексия еще не касалась. Возможность расширения тематического горизонта эстетического анализа обусловлена тем, что эстетическое в границах феноменологии эстетических расположений не связывается ни с какой-либо определенной предметностью, ни с какими-то способностями субъекта, ни с какой-то специализированной деятельностью. Феноменология (онтология) эстетических расположений исходит из того, что эстетическое разворачивается *событийно и открывается как тот или иной модус чувственной данности особенного, Другого*. Эстетическое непроизвольно, автономно. Доступ к нему эстетическая деятельность субъекта созерцания не гаран-

не меньший интерес для философа представляют *особенные, метафизически углубленные чувства и состояния*. Человек всегда как-то себя чувствует, он всегда находится (находит себя) в каком-то состоянии с окружающим сущим. Иногда в его *расположенности* (в «так оно есть» Присутствия) вместе с воспринимаемым чем-то *дает о себе знать* (дает себя почувствовать) что-то особенное, Другое. В этом случае расположенность выделяется из ряда переживаний, приобретает метафизическую глубину, становится эстетической ценностью. Такая расположенность оказывается тем, к чему мы возвращаемся в своих мыслях и воспоминаниях. На исследование метафизически особенных состояний Присутствия (эстетических расположений), возникающих по ходу созерцания самых разных объектов, как раз и нацелена *эстетика Другого* (эстетика как феноменология / онтология эстетических расположений)².

артикулирован в докторской диссертации (2001) и монографиях 2000 – 2003 гг. (Лишаев С.А. Эстетика Другого. Самара: Самар. гуманит. академ., 2000; 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.; Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. – Самара: Самар. гуманит. академ., 2003; 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 2012). Помимо конституирования общих принципов феноменологии эстетических расположений в этих работах были рассмотрены конкретные феномены эстетики времени, величины, а также важнейшие феномены эстетики отвержения (безобразное, ужасное, страшное, тоска и др.), была разработана типология эстетической деятельности. В 2007 – 2014 гг. велась работа над эстетикой пространства (в 2010 – 2012 гг. работа осуществлялась в рамках проекта РГНФ № 10-03-00472а «Эстетика пространства в горизонте экзистенциальной аналитики»). Результаты этой работы были подытожены в монографии: Лишаев С. А. Эстетика пространства. – СПб.: Алетейя, 2015 (в печати).

° Лишаев Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии философского факультета. E-mail: lishaevs@bk.ru

1 Достичь состояния безмыслия, покоя, освободить сознание от предметного содержания совсем не просто. В любом случае, свобода от него – не данность, а результат духовной работы.

2 Как философский проект эстетика Другого разрабатывается с 1999 года, когда предметом анализа стал феномен влечения к ветхому (Лишаев С.А. Влечение к ветхому. Самара: Самар. гуманит. академ., 1999). Однако концептуальный замысел эстетики Другого в целом был

тирует. Свойства предмета восприятия и способности субъекта создают лишь условия для свершения эстетического события, но сами по себе про-извести его не могут. Лишь постфактум, после того, как событие свершилось, предмет и субъект, вовлеченные в его силовое поле, обретают эстетическую определенность (эстетическую качественность).

Чувственная данность Другого обнаруживается по-разному в разных эстетических обстоятельствах (оно всегда ситуативно), концептуализируясь в ходе апостериорного эстетического анализа. Если анализ обнаруживает типологическое сходство в разных эстетических событиях (общность ситуации и переживания), оно фиксируется в качестве *эстетического расположения*. Эстетическое – это выделенная из повседневного среднечувствия (благодаря данности Другого) расположенность Dasein (Присутствия)³. Эстетические расположения можно описать как ситуативно-событийную со-расположенность человека и того, что им воспринято, когда вещь (или конфигурация пространства) и воспринимающий ее субъект становятся единым целым.

Апостериорность эстетического ориентирует исследователя не на априорную категоризацию эстетической предметности и эстетического чувства, а на рассмотрение переживаний, выделенных из потока обыденных состояний событием их метафизического углубления. Апостериорный подход к вычленению эстетических феноменов оставляет поле эстетического анализа открытым. Событийность эстетического не позволяет выстроить завершённую систему эстетических понятий. Работа над эстетической теорией мыслится в этом случае не как построение законченного сооружения, а как составление карты эстетических расположений, всегда открытой для уточнений и расширений.

Эстетика Другого – это теория, которая сохраняет ориентацию на метафизическую составляющую как на репер эстетического опыта и тем самым продолжает традицию философской эстетики, рассматривавшей эстетическое как чувственно-сверхчувственное единство опыта. В то же время ее концептуальные основания создают возможность (и предполагают) артикулировать

эстетическую чувствительность человека модерна и постмодерна с его ориентацией на *существование* (а не на *сущность*). Перед философской эстетикой (неотделимой в своих началах от философской антропологии, онтологии, философии культуры и др.) открывается возможность дать описание новых (по сравнению с теми, которые были описаны в рамках традиционного общества) эстетических феноменов.

От эстетики сущности к эстетике существования. В человеческом опыте есть переживания, связанные с восприятием не только гармоничности / дисгармоничности телесных форм (красивое, прекрасное, уродливое, безобразное), являющихся для созерцания совершенство смысловой формы (эйдоса, чтойности), но и с восприятием количества как величины (большое, маленькое, величественное) и силы (динамически возвышенное), а также различных форм пространства и времени. В таких переживаниях на первый план выходит не чтойность, а *возможность*, не сущность, а существование. К этому не вписывающемуся в каноны эстетики прекрасного опыту можно отнести, к примеру, переживание старого, ветхого, юного, молодого, мимолетного, простора и выси, дали и пропасти, уютных и торжественных интерьеров и т.д.

Такой опыт, казалось бы, сам собой напрашивается на осмысление в рамках философской эстетики. Однако старая эстетика – *в полном соответствии с классической настройкой концептуальной оптики* – не вычленяла его из аморфного массива «чувственного опыта». Особенность классической оптики в том и состоит, что тот, кто ей пользуется, обращает внимание преимущественно на красивое, прекрасное, изящное и т. д., а тех чувств и форм, которые не вписываются в этот понятийный горизонт, такой теоретик не видит, не замечает. Подобно тому, как магнит «обращает внимание» только на железо и «не реагирует» на материалы иной природы, «намагниченный» классической традицией взгляд из множества модусов чувственного опыта отбирает только тот, который отвечают ожиданиям, сформированным традицией.

Эстетика прекрасного – эстетика эссенциалистская, фокусирующая свое внимание на телах в их сияющем акме, на явленной во плоти чтойности. Но когда в центре нашего внимания оказывается простор или пропасть, ветхое или юное (а такое в жизни случается), на первый план выходит не чтойность («что это?»), а *та или иная модификация ничто, не сущее, а его существование*, то, как именно оно есть, дано, присутствует. Когда предметом восприятия оказываются, например, формы присутствия сущего (пространство и

³ Опыт чувственной данности Другого всегда ситуативен, но его апостериорный анализ в пестроте и многообразии эстетических ситуаций и переживаний обнаруживает типологически устойчивые фигуры – «эстетические расположения». Эстетическое расположение – это событийный континуум человека-и-вещи. Подробнее о концепте «эстетическое расположение» и его связи с понятием «расположенности» М.Хайдеггера см.: *Лишаев С.А. Эстетика Другого. ....* – С. 33 – 60.

время) в том или ином из своих модусов, то тем, что переживается (особенным), будет уже не образ явленного совершенства вещи, а тот или иной модус *возможности присутствия, становления, трансцендирования*.

Если в созерцании прекрасного обнаруживается (и утверждается) *мир как завершенное целое* (мир, в котором сущность предшествует существованию), то в созерцании ветхого или юного, выси или пропасти «предметом» переживания оказывается само бытие «в» мире (*открытость*) как возможность занять / сменить место. Другое в эстетике пространства и времени – это, собственно, возможность (или невозможность) быть иным, данная в особенном переживании, это мир, в котором существование предшествует сущности. В расположениях, событийным центром которых оказывается Другое в образе так или иначе данной возможности / невозможности присутствия, мы переживаем свою децентрированность и экстатичность, свою выдвинутость в Другое.

Для того чтобы включить анализ феноменов пространства и времени, величины, силы (слабости) в эстетическую «повестку дня», необходима теория, которую интересует *возможность (или невозможность) иного* как предмет восприятия и переживания.

Эстетика Другого: концептуальный инструментарий и основные понятия. Концептуальный инструментарий феноменологии эстетических расположений включает в себя такие понятия, как «чувственное», «эстетическое», «особенное», «Другое», «событие», «эстетическое расположение», «преэстетическая расположенность», «эстетика утверждения», «эстетика отвержения», «эстетика пространства», «эстетика времени» и др. Эти понятия мы вводили по ходу осмысления эстетического опыта и использовали их как инструменты его экзистенциально-онтологического и типологического анализа.

Какие же области (регионы) эстетического открываются внимательному взгляду теоретика, стоящего на позициях эстетики Другого? Анализ эстетических расположений нацеливает на выявление особых, присущих тому или иному эстетическому феномену онтических и онтологических характеристик. Концептуализация эстетического опыта приводит к необходимости сделать следующие базовые разграничения: 1) отделить утверждающие Присутствие (Dasein) расположения от расположений отвергающих, 2) отделить расположения, эстетическим центром которых оказываются вещи, *взятые со стороны их формы* (их чуждости), от расположений, *центрированных на существовании*. Эстетическое «так оно есть» (расположенность Dasein) дает о себе знать в во-

влеченности человека а) в созерцание временных модусов бытования вещей (с их «давно» и «сейчас», с их «потом», «скоро», «снова» и т.п.)⁴ и б) мест и направлений пространства, воспринятых как возможность где-то быть (пребывать) и куда-то перемещаться (быть в другом месте).

От расположений, связанных с созерцанием формы вещей, следует отделять и такие расположения, в которых внимание сфокусировано не на пространстве / времени, а на *статической* (маленькое, большое, величественное, затерянное) или *динамической величине (силе)* как явленной мощи / немощи (сюда, в частности, можно отнести «динамически возвышенное» по Канту). Эти расположения фокусируют внимание на *количестве* в его статике или динамике. (С идеи «возвышенного» начинается предыстория постклассической эстетики.)

Самым общим и наиболее глубоким разделителем эстетического опыта в феноменологии эстетических расположений являются понятия «*эстетика утверждения*» и «*эстетики отвержения*». Они ориентируют исследователя на выявление онтологического основания разнонаправленной реакции человека на чувственную данность условно или безусловно особенного (Другого). Опираясь на эти понятия, мы получаем возможность артикулировать онтологическую конституцию эстетических расположений. В точке эстетического события предметность восприятия или притягивает нас к себе, или отталкивает. Другое в точке события открывается или в модусе Бытия, или в модусах Небытия и Ничто. В безусловных эстетических расположениях (то есть таких, особенность которых переживается как абсолютная) *нам дана онтологическая дистанция* (отделенность Присутствия от всего сущего в целом). В силовом поле данности Другого эта дистанция или утверждается (Бытие) или, напротив, разрушается (Другое в модусах Небытия или Ничто).

Помимо основополагающего деления на утверждающие и отвергающие феномены эстетические расположения отличаются друг от друга по предметности, на которой кристаллизуются особенные переживания. Эстетический опыт получает закрепление в сознании субъекта (а иногда и в сознании культурной традиции) в качестве особой *предметности*, с одной стороны, и в качестве *особенного чувства-состояния* – с другой. Предметы, побывавшие в точке эстетического события, становятся *преэстетически ценными (значимыми)* в индивидуальном и культурном опыте. От встреч с ними ожидают определенных чувств (от краси-

⁴ Подробнее о расположениях эстетики времени см.: *Лишавев С.А. Эстетика Другого.....* – С. 125 – 206.

вого предмета ждут одного, от страшного – другого). Однако такое ожидание возможно в том случае, если предмет и соответствующее переживание уже осмыслены культурой (или отдельным человеком) как имеющие эстетическую ценность (то есть если имеется их опыт и этот опыт закреплен в языке, в искусстве, в теоретическом дискурсе).

Карта эстетических расположений. Если бросить ретроспективный взгляд на карту эстетических расположений в том ее виде, который она имеет к настоящему моменту, следует признать, что хотя нам удалось нанести на нее ряд новых для эстетики феноменов, но многие части карты нуждаются в уточнении, а некоторые ее фрагменты представляют собой белые пятна.

Начнем наш краткий обзор карты расположений с феноменов эстетики отвержения. Расположения, в которых человек встречает Другое в модусах Небытия или Ничто, были подробно описаны в «Эстетике Другого» (2000, 2008). Это, в частности, феномены *безобразного и уродливого, ужасного и страшного* (эстетика Небытия), *тоски и скуки* (эстетика Ничто).

Что касается эстетики утверждения, то эта область включает в себя целый ряд эстетических регионов и множество эстетических феноменов. Отличие утверждающих расположений от отвергающих позволяет различать эстетический опыт по онтологическому критерию. Но анализ эстетической расположенности предполагает не только выявление ее онтологической конституции, но и учет ее онтической специфики, составляющей (способ данности Другого зависит от «где», «в чем» и «как» этой данности). Эстетические события разнообразны. Эстетическое восприятие утверждающих феноменов может фокусироваться или на сущности (эстетика прекрасного), или на возможности. Причем в разных ситуациях сущность и возможность будут обнаруживать себя по-разному. На данный момент мы можем говорить о расположениях, онтическим фокусом которых оказываются формы тела, конфигурации телесности как образа времени, образы пространства, а также восприятие величины и силы.

Эстетика формы включает в себя феномены красивого и прекрасного, уродливого и безобразного. В классической эстетике прекрасное и красивое – основной предмет эстетической рефлексии. Это обстоятельство побудило нас отложить их специальный анализ на будущее, ограничившись краткими замечаниями по ходу анализа безобразного, уродливого, старого и др.

Что касается *эстетики величины* (маленькое, большое, величественное, затерянное), то феномены маленького и затерянного мы в свое время изучили, но их аналитическое описание не полу-

чило необходимость детализации. Если говорить *об эстетике силы*, то ее изучением мы не занимались. Пока ясно лишь то, что к этому региону эстетического опыта можно отнести «динамически возвышенное».

Уже в расположениях эстетики величины и силы (а не только пространства и времени) мы имеем дело не с сущностью и не со способностью/неспособностью схватывать-понимать ее, а с существованием. Восприимчивость к ним предполагает чувствительность неклассического типа. В центре внимания здесь находится переживание ограниченности (условности) существования воспринимающего (ведь и огромное, и маленькое, и мощное акцентируют, делают ощутимыми ограниченность сущего), а последнее связано с актуализацией сверхчувственного, Другого как той инстанции, причастность которой делает возможным осознание человеком собственной ограниченности (такое понимание величины и силы находит кантовскому пониманию возвышенного).

Расположения *эстетики времени* распадаются на два онтолого-эстетических уровня: на первом уровне Другое (как Время) дано безусловно, на втором – условно. К безусловной эстетике времени можно отнести эстетику *ветхого, юного и мимолетного*. Время открывается здесь как то, что задает онтологическую дистанцию (утверждает структуру Присутствия как Другого-в-мире), как Время. Все временное (сущее) присутствует в открытости, и открыто оно Временем как Другим «временному» (сущему). Когда мы воспринимаем особенные вещи как ветхость, юность или мимолетность, мы имеем дело с переживанием ее и, соответственно, нашего существования в горизонте вопросов: «давно ли она существует?», «что для нее возможно?», «долго ли еще ей присутствовать?» и т. п. Вопросы такого рода группируются вокруг «как», а не вокруг «что». Возможность здесь (в расположениях эстетики времени) – это возможность присутствовать или отсутствовать, которая может быть актуализирована самыми разными способами. Темпорализация вещи в акте эстетического восприятия акцентирует внимание на ее (и созерцателя) существовании и позволяет пережить временное качество ее присутствия, а через него – само Время. На данный момент на карту эстетических расположений нанесены такие феномены эстетики времени, как старое, ветхое, юное, молодое, мимолетное.

Эстетика времени включает в себя также феномены линейного (молодое / новое, зрелое, старое) и циклического времени (зима, весна, лето, осень и т. д.). Время здесь – это предикат сущего (сущее дано в «таком-то-вот» времени): книга *старая*, а не *новая*, *вечернее* солнце – ласковое, а

полуденное — знойное. Онтологическая дистанция «дает о себе знать» и здесь, но дистанцирующее — Время, Бытие — не находится в фокусе внимания.

К расположениям *эстетики пространства* мы относим места (ландшафты, интерьеры) и направления (простор, даль, пропасть, бездна, высь, высота и др.). В созерцании направления пространства мы набрасываем себя на возможность или невозможность перемещения. Возможность изменить жизнь предполагает определенные движения тела, меняющие наше положение в пространстве (наше «где»). В каждом из расположений *эстетики направлений* человек имеет дело с тем или иным модусом простираения как условием своего существования (быть, присутствовать — значит находить себя «в» и иметь возможность перемещаться в каком-то направлении).

Эстетическое расположение и деятельность. Одна из особенностей эстетики Другого — концентрация внимания не на искусстве (а в последние два столетия эстетика понималась, преимущественно, как философия искусства), а на эстетическом опыте не связанном с эстетической деятельностью. Понимание эстетического вне искусства — условие понимания искусства как наиболее развитой и сложно дифференцированной области эстетической деятельности. И хотя основное внимание в работе над проектом эстетики Другого было направлено на феноменологическое описание первичного эстетического опыта (*эстетических расположений первого порядка*, в которых человек оказывается вдруг, внезапно, непроизвольно), это никак не подрывает важности и необходимости исследования тех эстетических расположений, которые *специально подготавливаются* людьми и случаются с ними в ходе эстетической деятельности. Деятельность, нацеленную на (преэстетическую) подготовку эстетических событий мы называем эстетической (по цели), а подготовленные ей расположения — *эстетическими расположениями второго порядка*.

Мы различаем *три типа эстетической деятельности*: 1) эстетическое паломничество, 2) эстетическое действие и 3) художественно-эстетическую деятельность⁵. Данный подход отличается от принятого в европейской академической эстетике понимания эстетической деятельности, отождествляющей ее с искусством⁶.

⁵ Эстетической деятельности посвящена отдельная работа (см.: Лишаев С.А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. — СПб.: 2012).

⁶ Художник создает произведение, а реципиент (зритель, читатель, слушатель) общается с произведением и оценивает его эстетическое достоинство. Если люди создают нечто ради эстетического любования (будут ли это произведения живописи, литературы, музыки, декоративно-при-

Эстетическое паломничество — это путешествие к местам, о которых человеку заранее «известно» как о предметах восприятия, обладающих эстетической ценностью. Человек, совершающий эстетическое паломничество, стремится попасть туда, где он надеется встретить что-то особенное, удивительное, что-то, что может оказаться поводом для эстетического события.

В качестве примера, укорененного в культурной традиции эстетического паломничества, можно упомянуть о созерцательных практиках в Японии. Ради того, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время, японцы — и, конечно же, не одни только японцы — готовы проделывать далекие и трудные путешествия. Целью эстетического паломничества могут быть явления природы, и памятники культуры (созерцание цветущей сакуры и сливы, полной луны, падающего снега, природных ландшафтов, сада камней и т.д.), народные празднества (карнавал, фиеста, масленица и т.п.).

Под *эстетическим действием* мы понимаем ритуализированную деятельность по традиционной или нетрадиционной (вновь сотворенной, придуманной) форме, имеющей внутренним центром не достижение предметного результата, но «попадание» в эстетическое расположение. Эстетическое действие (в отличие от театрального действия, от хэппенинга, перформанса) не предполагает публики. В качестве примера: рыбалка, охота, сбор грибов, пир, баня и т.п. Такого рода «деятельности» или «практики» — при смещении центра тяжести с внешнего результата действия на сам процесс — могут эстетизироваться. Акцентирование внимания деятеля на формальных, темпоральных, вещественно-пространственных и социальных компонентах деятельности указывает на метаморфозу утилитарно обоснованной деятельности (рыбной ловли, охоты, бани, питья чая, etc) в эстетическое действие (эстетическую церемонию). В этом случае оказывается, что за грибами человек отправляется не для того, чтобы «набрать грибов», а, наоборот, собирает и готовит их ради того, чтобы «сходить за грибами».

Создание и рецепция художественного произведения. Под художественно-эстетической деятельностью мы понимаем деятельность по созданию и восприятию артефакта как *эстетически* (по терминологии эстетики Другого — преэстетически) *ценной вещи* с целью достижения эстетического эффекта. Эстетическое расположение, которое рождается на острие такого рода деятельности, можно определить как *художественно-эстетическое* расположение. Ему *предшествует*

кладного искусства или результат дизайнерской разработки), то мы имеем дело с эстетической деятельностью.

деятельность художника, создающего эстетически «заряженную» предметность произведения, созданную для того, чтобы содействовать возникновению эстетического чувства на стороне реципиента. Художественно-эстетическое расположение имеет свою специфику. И определяется она дистанцией, разделяющей внутреннее пространство произведения и то пространство, в котором находится реципиент (первичная реальность как мир рождений и смертей)⁷. Наиболее перспективным и продуктивным направлением в анализе эстетической деятельности представляется изучение различных форм и модусов эстетического паломничества и особенно – эстетического действия.

Вместо заключения. Как показывают опыт и «мировая художественная культура» эстетические переживания не связаны с восприятием какого-то одного типа объектов. Эволюцию эстетической восприимчивости в Новое время можно определить как движение от очарованности совершенством формы (эстетика прекрасного) к разнообразным модусам становления, к переживанию возможности/невозможности иного.

«Дух веет, где хочет», и веяние это ощутимо не только в царстве красоты. В сущем, чья форма далека от совершенства, в том, что становится и в чем на первый план выходит *возможность / невозможность иного*, присутствие духа поражает ничуть не меньше, чем в созерцании прекрасного. Однако на метафизически углубленные переживания, не вмещавшиеся в концептуальный горизонт эстетики прекрасного, слишком долго не обращали внимания. Феноменология эстетиче-

ских расположений предлагает концептуальную оптику, позволяющую восполнить наше понимание эстетического, включив в предметное поле эстетического анализа чувственную данность особенного в разнообразных формах данности пространства, времени, величины и силы. Эта теория позволяет также по-новому осмыслить и те эстетические понятия, которые находились в центре внимания классической эстетики.

Концептуальный замысел *эстетики Другого* – это *философский* проект, нацеленный на преодоление тенденции к превращению эстетики в специализированную область знания со своим кругом проблем и методов. Эстетика Другого исходит из того, что границы между эстетикой и онтологией, эстетикой и философской антропологией, эстетикой и философией культуры проницаемы. Работы, выполненные в рамках данного проекта, задумывались как философские исследования, материалом для которых служит область особенных расположений человека. Мы исходили из того, что узкая специализация оправдана и плодотворна в рамках научного познания, но философ – не специалист, и чем бы он ни занимался – эпистемологией, онтологией, антропологией, эстетикой, философией языка, etc. – его труд должен оставаться трудом философа, усилием помыслить немислимое.

⁷ Подробнее о специфике художественно-эстетического опыта и художественно-эстетической деятельности см.: *Лышаев С. А.* Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность.... – С. 102 – 177; 210 – 247.

THE CONTOURS OF NON-CLASSICAL AESTHETICS (AESTHETICS OF THE OTHER AS PHENOMENOLOGY OF AESTHETICAL ARRANGEMENTS)

© 2015 S.A.Lishaev^o

Samara Academy of Humanities

The article discusses the concept of aesthetics as phenomenology of aesthetical arrangements, its basic concepts and research results.

Key words: aesthetics, the Other, aesthetic event, aesthetical arrangements, aesthetic activity.

^o *Sergey Aleksandrovich Lishaev, Doctor of philosophy, Professor of Department of philosophy. E-mail: lishaevs@bk.ru*